

14-05-2014 17:54:00

«Усоновити меня пожалуство»*Несколько дней из жизни психолога-джедая Щербакова и наших детей*

У «закона Димы Яковлева» — один плюс: о детдомовцах заговорили. Сами-то они в чужие души не стучатся. А мы хорошо умеем жить с краю и закрываться от бед. Те, правда, постоянно у порога — мы ведь на краю. И люди, не замечавшие в метре от себя весь этот каждодневный ад, наконец о нем горячо заговорили. И встали в очередь за нашими детьми, дети же все — наши?

*Николай Щербаков*

У «закона Димы Яковлева» — один плюс: о детдомовцах заговорили. Сами-то они в чужие души не стучатся. А мы хорошо умеем жить с краю и закрываться от бед. Те, правда, постоянно у порога — мы ведь на краю. И люди, не замечавшие в метре от себя весь этот каждодневный ад, наконец о нем горячо заговорили. И встали в очередь за нашими детьми, дети же все — наши?

Приемным родителям, однако, как правило, нужна белокурая, голубоглазая девочка до года без проблем со здоровьем (данные органов опеки). А что же невыносимые подростки с олигофренией, энурезом, с изуродованной душой — как быть с ними?

Они — дети психолога Николая Щербакова. И таких, как он. Один ребенок живет в их с женой Светой доме постоянно, троих забирает на выходные-праздники-каникулы, кого-то водит в походы по пригородным скалам и пещерам. И много кто находит у него приют в сложной ситуации. Щербаков ездит к ребятам по психушкам и полицейским участкам, вызволяет, разыскивает, все устраивает и обустроивает, направляет им пути... Где здесь работа и где частная жизнь, в чем долг профессиональный, а в чем — личный, уже не разобрать. Да ему и не требуется. Не знаю, счастлив ли он (утверждает, что да), но дети помогли ему стать выдающимся человеком. Одному за другим он выправляет судьбы, да что там — продлевает сами жизни: таким, как его, деткам предначертана деструкция, она направлена и вовне, и внутрь. Они выходят из интерната и калечат себя и других — одновременно или постепенно; алкоголем, наркотиками или ударяясь в криминал. Уберегшихся подспудно подточит и разрушит

скверный характер и «психосоматика» — свое прошлое не обмануть. Но маленькому человеку может помочь взрослый.

— Начинаешь с ребенком спокойно разговаривать, играть, рисовать (главное, чтобы не мешал никто, поэтому взрослых обычно выгоняю), погружаешься в его состояние — и у него взгляд проясняется, проходят длительные страхи и депрессии, человек оживает, а родители или воспитатели потом дивятся, как это возможно, так быстро и без медикаментов. Нужно-то немного. Я вам больше скажу. Тешу себя мыслями, что когда о ребенке думаешь, заботишься, передаешь ему приветы и что-то полезное, вокруг него сгущается неведомое информационное поле и помогает ему сохраняться и развиваться. Кто мог подумать, что, едва стану забирать на выходные младшего В., к нему вдруг, впервые за 6 лет, придет мать — девушка с УО. А через три года его, почти 12-летнего, вдруг возьмут под опеку, у него теперь семья. Мы видимся; он и говорить стал бойчее и отчетливее, хотя всегда был отпетым дизартриком. Вот привез С.Б. и Л.П. журналы. С.Б. сразу погрузился в чтение: когда был у них две недели воспитателем летом 2009-го, он, 10-летний еще, взахлеб читал моего Хармса (без него не обойтись в этом абсурдном заведении, я понял сразу) и веселился: «Молодая толстенькая мать терла хорошенькую девочку лицом о кирпичную стену» — ну и какая здесь может быть УО? Как и у многих других, — следует перечисление Щербаковым детей, их много, и у каждого — уже судьба.

С., 14 лет

Злостный вымогатель телефонов детдомовец С. смотрел сон по мотивам «Звездных войн». Он выступал на стороне зла, бесчинствуя и нападая на людей, пока не появился джедай Щербаков и не кинулся преследовать его, прыгая по крышам. Закончилось хорошо: С. тоже перешел в стан добра.

Три года назад С. забрали в детдом от пьющей бабушки. Ее он называет мамой. Мать повесилась, когда С. было 2 года. Отец — отсидевший пьющий инвалид. Еще у С. есть собачка Сонька, сестра Настя, брат Толя. Видится с ними на каникулах, если отпускают из детдома. «И то славно. А то кто знает, как дальше жизнь повернется», — говорит Щербаков. В 2012-м он сводил С. с другими детьми в поход на скалы. А потом встретил его на Курчатова, в психбольнице (ПБ): аминазин, электросон. Положили, говорит, «потому что вел себя тупо».

— Еще раздумывал: стоит ли им заниматься. И так детей полон дом и несчастная моя жена — нам пока некогда даже думать о рождении ребенка. Квартира съемная, перспективы на жилье нулевые: оба — работники образования. Но покоя в душе не было. А когда С. угодил на месяц в Центр временной изоляции несовершеннолетних правонарушителей (ЦВИНП), я понял: чутье меня не обманывало, мальчик нуждается во внимании. Прикинул: Р. к тому времени уже выпустится, на Ф. сестра собирается гостевое оформить, да и с другими, может, полегче будет... Так у С. появился мобильник, а потом и возможность бывать у нас по выходным. Контролируем его теперь на пару с его любимой учительницей литературы.

С. — хороший человек: чуткий, отзывчивый. У него есть искренний интерес к людям и желание «идти дорогою добра». Голова светлая. Любит паркур, рисует, записал себе в ЦВИНПе: «Если маму не любить, то зачем на свете жить» — неволя располагает к творчеству. Пацаны наши помнили его по совместным походам и, к удивлению, с интересом ждали.

Смотрели тут вместе последний фильм Приемыхова «Кто, если не мы»: С. похож на главного героя, такой же веселый и несколько расторможенный. Когда взял его на занятия — всего в целлюлите после трех месяцев психушки (к своим 44 кило набрал еще 10, полгода приходил в норму), он ни с того ни с сего вдруг вспомнил: «Однажды сказал в школе психологу, что старшие нас заставляют на заправке деньги мутить, а она воспитательнице сказала, и так жестко мне потом было». Завуч позже поведала: устроили ему «очную ставку» с У. и «оторвались» на У. по полной программе. Но за правду и за глупость взрослых больше досталось, конечно, С. — «ночные няни не смотрят ни фига», да и не могут они влиять на то, что происходит между подростками. Часто слышишь в разговорах ребят: «Все, хана тебе в спальне». Это место, где слабые максимально не защищены. И не слабые тоже.

...Если что, 16-летний У. «кидается по отмазкам», а после нещадно долбит С. — тот ниже на голову. У. же уходила и моя скудная мелочь, даваемая С. за хорошие отметки. Туда же и наши пластиковые контейнеры ушли, в которых С., оказывается, возил У. еду. Это система: старшие ставят младших «на счетчик» за любую провинность. С. впервые поставили в 4-м классе за непосещение урока. «Сказал мне, что я проспорил и должен теперь 500 рублей». Хотя уговора никакого не было. И пошло-поехало. Пропуски уроков, воровство, вымогательство телефонов у младших, психушка, ЦВИНП. Похоже, «социализированное расстройство», сочиненное ему психиатрами, во многом было вызвано детдомовскими реалиями.

Мы с С. придумали: якобы его на заправке обнаружила воспитательница, которая и дала мне номер У. Звоню, представляюсь. Он меня знает: водил их осенью в пещеру. «Ну и?» — спрашивает. Объясняю: денег он больше от С. не получит, а если что-то ему сделает — ему будет так плохо, что он и представить себе не может. Кладу трубку. Вдогонку пишу СМС (чтобы добавить словам вескости) с финалом: «зла на тебя не держу, но и друзей своих в обиду не дам»... Потом С. расскажет: «У. сказал, что я ему ничего теперь не должен».

А через день С. перевели в группу к старшим (где У.): приют «Забота» ликвидируют (в министерствах очередной зуд), и к ним поступил оттуда первоклассник. Помог С. вещи перенести, постоял в группе, поглядел в тумбочку, пообщался с детьми, с воспитателями: обозначил свое присутствие. Потом, когда С. с У. общались «ВКонтакте», попросил передать У. привет. У. передал ответный и пририсовал пару смайликов, так что отношения установились: этология учит, что доисторические истоки человеческой улыбки уходят корнями в оскал подобострастия у приматов.

Суть моей работы — найти и поддержать в человеке хорошее. Психиатр Е. Корень на нашем круглом столе и вовсе сказал, что это — общемировой тренд.

Когда стал работать в интернате, первое, что понял, — детей, особенно старших, нужно выводить оттуда подальше. Стали ходить на природу: Черная сопка, Торгашинский хребет — это для них гораздо терапевтичнее, чем месяцы в психушках... Недавно были на Столбах. Пацаны сразу отделились от взрослых, принялись крутить арабское сальто и рьяно бороться в снегу, так что на обратном пути, с трудом разыскав их на тропе, просто дал им денег, чтоб сами домой ехали. По-моему, после того как мы на Столбы сходили, С. и почувствовал силу выдавливать из себя раба. Сказал, что не хочет бегать постоянно на заправку, потому что гораздо интереснее ему просто гулять с ровесниками. О многом мы тогда говорили. Ну и сон про джедаев показывает, что совсем парень в жизни потерялся: он ведь там сначала был на стороне зла.

На новогодних праздниках у нас он снова видел сон: мы с ним вдвоем, будучи джедаями, от мутантов отбивались, и даже успешно... Вести себя стал адекватней. А тут, как перешел во взрослую группу, вижу: костяшки на руках разбиты, правая кисть опухла, как подушка, — смотреть больно. Сказал, в стену ударил, а день спустя признался: играли с пацанами в «монетку», и проигравшему «пробивали» — до первой кровинки или слезинки. «Мне не больно потом. Меня ремнем мама била, когда был маленький...» Сказал, что запрещаю ему играть в эту дрянь. С. и не сильно стремился, как понимаю: заставили. Границ своих совсем не чувствует: постоянно «попадает», при всех своих способностях.

И У. совсем не отморозок, просто принято у них гнобить и использовать младших. Достойного образца для идентификации нет: директриса не может найти нормального мужика-воспитателя... А пацаны растут. Вот и складываются такие экстремальные группы с околотюремным укладом. Есть ведь вполне хорошие детдома, где дружные дети и приветливые воспитатели, тот же красноярский №2 или ачинский №1. И ЦВИНП, кстати. Что отметил — в таких обязательно есть мужчины. И руководительницы — спокойные женщины с живыми глазами, все какие-то теплые, пусть и в погонах, как в ЦВИНПе.

В. сказал, что и в их детдоме в «монетку» играли, но «пробиваний» не было. «Его заставили играть», — уверенно заявил В. У них в детдоме по обоюдному согласию О. выжег ребятам раскаленной монетой круглые раны на руках. Инициацию такую придумал: «чтоб мужиками стали». Взрослые сразу заметили, вызвали психиатра К-ча, поговорил он с О. серьезно, и ничего подобного потом не было. А когда

заметили, что в 13 лет З. стал «подкладывать» себе в кровать младших мальчиков, — тоже с ним говорили и стали стелить ему рядом с ночным воспитателем, чтобы все время был на виду. В общем, заботятся о детях, стараются не допускать беспредела. А тут — такое. Буду наблюдать за костяшками, а там, глядишь, пойду общаться с пацанами и воспитателями уже напрямую. «Стоять насмерть», как монумент на Мамаевом кургане.

В., везунчик, Б., его брат

Через пару месяцев домашней, у Щербакова, жизни В. нарисовал романский замок с мощными стенами и решетчатыми воротами. Человек почувствовал: «мой дом — моя крепость». Сейчас В. в 8-м классе, стал родным и для родни Щербакова.

— Он очень изменился после летней поездки в Питер и знакомства там с хорошими молодыми людьми Викой и Димой. Они убедили его — после экскурсий по музеям — заниматься риторикой: многое понимает парень, а формулирует мысли с трудом. Стал думать о будущем. Глядишь, и впрямь

станет юристом, как Вика, а сначала и автомехаником, если что: в техникумах они больше в свои силы верить начинают и лучше учатся — программы там проще и отношение к детям щадящее.

После Питера В. как-то сразу вырос, повзрослел, что особенно заметно на фоне его брата Б. С ним так: взять насовсем, как планировали, мы его не смогли, потому что осенью у нас жил А. Не взять А. — он ночевал у нас под дверью, ненавязчиво давая понять, чего он таким образом добивается — было бы совсем уже подло. У Б. хороший детдом: маленький, уютный, со спокойной и мудрой пожилой женщиной во главе (дети в кабинет к ней бегут, несут игрушки, конфеты и обнимаются — верный признак доверия. И второй признак: из него нет побегов). Б. теперь, как выпустились Вадя и Влад, там старший. Еще момент — возникающие порой на горизонте родственники, порывающиеся его забрать. Дальше разговоров дело не идет, но кто знает — может, соберутся с силами. Сложно с ним — последствия перинатальной энцефалопатии. 16-летняя мать, вынашивая В., вместе с гражданским мужем (отцом детей) крепко выпивала, а потом и Б. забеременела чуть не сразу после родов, и тут ее организм уже не справился. Чего-то нет то ли в нем, то ли в нас такого, что позволило бы чувствовать в нем родного человека. Сложно это передать словами, но мы поняли со Светой: не можем взять Б., нет у нас таких способностей. Я бы, впрочем, мог рискнуть, проводи я больше времени дома, но тогда уж точно от голода загнемся. А так — он всегда у нас на выходных, на А. не обижаются (наоборот, сочувствует, что у него «такой дебильный детдом»), да и школа их в 15 минутах ходьбы от нас, так что В. ежедневно может его видеть.

Мать В. и Б. родила недавно еще мальчика, о чем сообщила детям по телефону. Новорожденного оставили лечиться в неонатальном центре: «что-то у него с мозгом». А мать, заехав к Б., отправилась домой, в деревню под Муртой. Заберет она его из центра? Вроде собирается.

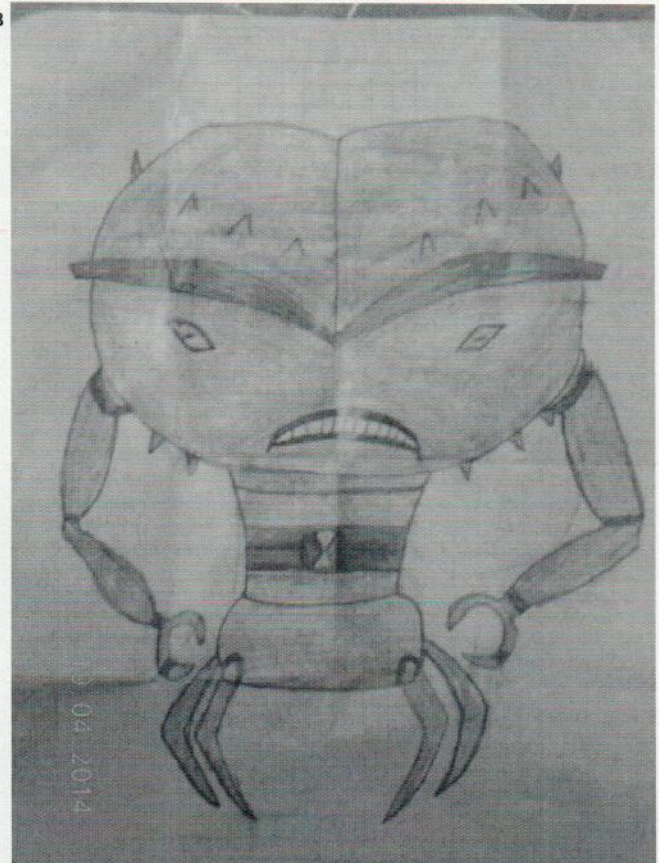


Рисунок С.: монстр, который ему снился



С. и Р. ужинают. Фото Николая Щербакова

А., 16 лет, бродяга

— Моя главная боль — А. Рыжий, левша, монголоидные черты веснушчатого лица, подвижен, легкая УО, тортиколлис, левый глаз видит плохо (миопия и, кажется, астигматизм). Были проблемы с влечениями: в 10 лет пытался при детях принудить к «оральному сексу» собаку, потом похожие истории повторялись уже с младшими детьми интерната. Последние полтора года — ничего подобного. Спросил недавно: «Тебе девочки нравятся?» Он сильно покраснел и уткнулся в подушку: «Нравятся». Рост его 155 см, и главная проблема: парень — заядлый дромоман. Первое воспоминание — как хотел выйти на улицу года в четыре, пока родители крепко спали, и так как дверь открыть не мог — вышиб окно и пошел на речку. С тех пор так и бродит. Хоть и лечили его после первого ухода — заночевал у знакомого алкоголика — в ПБ, все только усугублялось.

Я стал его забирать летом 2011-го. Побывали на его родине под Минусинском. Долго ходили по кладбищу в поисках могил его отца-матери. Не нашли. Множество покосившихся деревянных крестов без надписи: социальные захоронения. Написали письма двум его, как нам сказали в паспортном столе, дальним родственникам. Может, что расскажут про его родителей. Писал старательно, вложил подписанные обратные конверты и фотографию свою. Пока ответа нет.

Дни рождения ему с 11 лет стал делать, он сказал тогда: «Самый лучший день в жизни был»; а делов-то — позвал детей, пирог с повидлом поели. Минувшей зимой уже трехэтажный торт заказал по его просьбе, а на следующий день ходили на Черную сопку.

Год назад, получив от нас кроссовки (друг Игорь деньги из Москвы прислал — «на детей»). Пишу ему в таких случаях: «Спасибо, помогаешь мне быть». Он: «А ты — мне». В общем, не зря Фромма читали в юности), уехал после очередных выходных от нас в интернат, а на следующий вечер взял и пошел по маршруту автобуса, на котором ехал (30 км), и заночевал у нас под дверью, где и жил еще пять дней, шифруясь, а в субботу зашел домой. Вызвали выпускника Виталю, он отвез его в интернат. Там А. поместили в медблок (я поехать в тот день не мог — организовывал семинар доктора Архипова, был первый день). Позвонил директор интерната: что будем делать, министерство требует мер. Решили: в ПБ помещать смысла нет — он ведь не бродяжничал, шел к конкретной цели. Наш В., бывший его одноклассник, был все время в курсе, но друга не выдал. Подкармливал его. Поговорили с женой, решили, что возьмем его. Чтобы жил у нас, а учился в интернате. Директор сказал, что можем оформить

на него патронат, и это будут наши с интернатом отношения. Потом еще раз продлить договор на полгода, а там А. и выпустится. Так что забрал его с тремя пакетами вещей домой.

Спал А. на втором ярусе купленной по такому случаю с рук двухэтажной кровати. Записали в кружок туризма. Прописал для него обязательства — чтоб не бегал по подворотням и не пил. Он подписал. Но хватило его на неделю: до школы не доезжал, хотя домой прибывал вовремя и трезвый. А занимался чем? «Помогал друзьям»: ездили вместе по городу, что-то грузили, или просто стоял в магазине у знакомых продавщиц. Пару недель решили его в школу не отправлять, чтобы делал задания дома, освежил в памяти таблицу умножения. Получилось, и в конце первой четверти решили с ним и с завучем: после каникул заберет учебники и будет учиться, живя у нас дома, а раз в неделю-две будет показываться в школе с выполненными заданиями и писать самостоятельные. Интернат на это шел, все понимали: иначе учиться он не будет.

О будущем думает так: «буду помогать кому-нибудь». В чем именно — неважно. Как-то спросил, кого он любил в жизни больше всех, и он — со второго раза, подумав, — ответил, что меня. Чувствую ответственность и в то же время неспособность полноценно помочь. Московские психиатры, узнав про А., ответили: его уходы не являются проявлениями психического заболевания. Похоже. Его бродяжничество — результат не болезни, а особого склада личности. С учетом того, что он пережил: в 4 года вытирал с пола кровь — отец в пьяной ссоре ткнул нож матери в ногу, ну и много чего еще, и я ему в целом верю, к фантазированию он не склонен. Ну и интернатские реалии не способствуют желанию там находиться. Из дома нашего он не ушел ни разу.

А потом А. посадили в медблок: сбежал снова из интерната, где, как договорились, должен был прожить неделю, сдавая контрольные. В те дни интернатское начальство прочитало в «Новой» «Детство особого режима» (№26 за прошлый год) и обиделось, даже за ворота меня пускать перестали. Когда забрал потом А. на выходные, сказал, что жить постоянно он у нас теперь не сможет, и дело не в нем: это мы не смогли справиться с трудностями. Прощения у него попросил. И пообещал, что будем видеться на выходных и созваниваться, как прежде. Потом привез его обратно, и он по своей инициативе упросил вахтершу, чтобы пустила меня «внутри»: «А вдруг меня снова переклинит, и побегу через забор, пусть лучше он меня к воспитателю проводит». Так что повидался я тогда с детьми. Т. тетрадку красивую привез и фломастеры: девочки сказали по телефону, что она стала менее мужиковато одеваться и вести себя, что меня и подвигло на такие подарки; братьям Б. привез журнал «Геолёнок» — они как раз собирались в профилакторий, вот и почитают.

Выглядит и чувствует себя А., кажется, нормально. Показывал растрогавший его клип на песню «Злая доля» с кадрами из фильма про полярных лаек. Я не удержался и сказал, что фильм и клип хорошие, но автор песни — моральный урод, как и большинство «блатных» шансонье: похоже, не случилось у них в раннем возрасте нормальных отношений с матерью или с другим близким взрослым, вот и живут теперь такие все обиженные и постоянно жалуются на жизнь.

А. обижен на свой интернат. Ищем ему училище, где готовят работников лесхозов, чтобы было ему где бродить. В любом случае мы его не оставляем, он это понимает, и клип про преданных лаек, видимо, поэтому заставил его так расчувствоваться.

Продолжение следует

Автор: Алексей Тарасов

Постоянный адрес страницы: <http://www.novayagazeta.ru/society/63570.html>



21-05-2014 02:36:00

«Усоновити меня пожалуйста»

Несколько дней из жизни психолога-джедая Щербакова и наших детей

Несколько дней из жизни психолога-джедая Щербакова и наших детей

Окончание. [Начало в № 52 от 16.05.2014](#)

У «закона Димы Яковлева» — один плюс: о детдомовцах заговорили. Сами-то они в чужие души не стучатся. А мы хорошо умеем жить с краю и закрываться от бед. Те, правда, постоянно у порога — мы ведь на краю. И люди, не замечавшие в метре от себя весь этот каждодневный ад, наконец о нем горячо заговорили. И встали в очередь за нашими детьми, дети же все — наши?

СКОЛЬКО ИХ...

«Новая» виновата перед Щербаковым. Год назад мы уговорили его поделиться мыслями о детдомах и психушках, куда сирот запирают за дурное поведение. Еще раз: не потому, что они психбольные, а потому, что, по мнению воспитателей, плохо себя ведут. Для остротки. После выхода текста Щербакова перестали пускать к детям.

— Думал уже, что я совсем распоследний мерзавец, чего только о себе не наслушался. Хороший такой тренинг стрессоустойчивости. Для меня закрылись два интерната 8-го вида. Стоял, помню, перед вахтой на улице, ожидая, когда начальство решит, можно ли отпустить со мной А. Он тем временем через дыру в воротах получал от меня и разносил детям подарки: давно я там не был, уже у семерых знакомых дни рождения прошли. Стоял тогда и вспоминал отца из «Старшего сына» Вампилова: «Вы — мои дети, потому что я люблю вас». Вот это — по мне, потому что все мы и в самом деле — родственники... Кстати, колючую проволоку с интернатского забора после статьи убрали, а часть его покрасили веселым желтоватым цветом. Так что позитивное влияние прессы налицо.

Щербаков, конечно, этого так не оставил. Он добился приезда в Красноярск комиссии Независимой психиатрической ассоциации России (НПАА), в нее вошли специалисты Московского НИИ психиатрии. Проверяли соблюдение прав сирот при оказании им стационарной психиатрической помощи. Работу эту санкционировал уполномоченный по правам ребенка в крае и согласовал Владимир Лукин, тогда уполномоченный по правам человека в РФ.

— Нашу публикацию перед приездом комиссии заставили читать всех руководителей заведений для сирот, после чего некоторые из них говорили мне разные неприятные вещи. Зато

местные психиатры при ближайшем рассмотрении оказались весьма здоровыми людьми, способными к рефлексии и позитивным изменениям, спасибо им за открытость и разум. Чего про директоров детдомов и их начальников из Минобра не скажешь: ругались, одергивали, пытались забалтывать и скрывать, хотя проверяли-то врачей, не их. Система напряглась и стремилась меня деморализовать, но мне как-то не до того было: дети кругом, хозяйка нашей съемной квартиры через месяц приезжает, а мы еще жилья не нашли, «вина выжившего»... «Сколько их...» — так начинается фильм Достая про Варлама Шаламова, — и видны сотни и тысячи безымянных крестов на заснеженных колымских холмах. Когда понимаешь, что за тобой столько душ, да еще детских, — как-то перестают срабатывать разные защитные функции. Какие-то уже родовые и видовые, природные силы начинают действовать: головы особо не теряешь, но идти готов до конца.

Практика пока такова, что ребенка изымают из привычной среды и против его воли, без объяснения причин помещают в ПБ, где с ним проделывают разные процедуры, кормят препаратами, будто он тупое бессловесное животное. Дети вспоминают месяцы, проведенные в скрюченном от нейролептиков состоянии, — со смесью ужаса, стыда и отвращения. Дети не понимают: ЗАЧЕМ их отвозят в психушку и месяцами там держат?! Почему, им понятно: «Вел себя плохо», «Натворил то-то и то-то» и тому подобное — то есть осмысливают создавшееся положение в пенитенциарном ключе. Но ЗАЧЕМ, каков смысл и желательный результат для них и окружающих от их помещения в ПБ? Для успешного лечения прежде всего необходимо, чтобы сам человек понимал на доступном ему уровне, относительно каких ЕГО дефицитов и потребностей это лечение проводится. Врачам нужно больше общаться с детьми и учиться быть для них авторитетными взрослыми.

Благодаря приезду комиссии главное мы сделали: детей из интернатов у нас если и кладут в ПБ, то ненадолго: чтобы понять, в каком лечении ребенок нуждается. Это мы знаем точно, поскольку постоянно на связи с детьми и их воспитателями. Был по итогам комиссии у главного детского психиатра края Е. Володенковой. «Только реактивный психоз может являться показанием к стационару», — сказала она. Вышел из кабинета этой очаровательной женщины, а в душе звучала музыка Таривердиева, под которую Штирлиц вывозил в Швейцарию радистку с двумя малышами.



Справка «Новой»

Николай ЩЕРБАКОВ — психолог Красноярской региональной общественной организации «Кризисный центр для

женщин и их семей, подвергшихся насилию «Верба»; учитель краевого Центра психолого-медико-социального сопровождения; педагог-психолог Центра дистанционного образования детей-инвалидов; старший преподаватель кафедры психологии развития и консультирования Сибирского федерального университета; психолог фонда «Счастливые дети».

Трудился в детсаду, школе, интернате. После двух лет работы в интернате уволился и занимается сиротами на общественных началах: «Находясь «снаружи», полноценнее себя чувствую и могу больше помогать тем, кто «внутри». Всегда ощущал, насколько наше показушное образование на деле фальшивое и тошнотворное. Как там у Гиппиус: «Непереносное, ложное, ложное!». Всех бы — на длительную психотерапию! Все образовательные (и не только) организации должны дышать и пульсировать тренингами, группами, супервизиями, должна быть отстроена качественная обратная связь между «верхами» и «низами». А у нас все те же, что десятилетия назад, полутюремные установки, патологические личности и нездоровая атмосфера».

О днягах: «Мы-то что. Вот когда связался с НПАР, выяснил: люди, благодаря которым нашу психиатрию еще серьезно воспринимают в мире, два года живут без финансирования, работают без зарплаты, у них долги по аренде помещения, грозят выселить. Да и наша «Верба», в 1999-м на грант фонда Форда созданная, порой годами ничего не получала. И если консультировать бесплатно я еще могу, то проводить обследования и писать заключения, ходить по судам — уже морально тяжело. Вполне мог бы заниматься лишь платной психологической помощью. Но скучно было бы, это бы меня даже стесняло... Зато когда мотаешься по ПБ и детдомам, ничего за это не получая, — начинаешь нутром ощущать свое предназначение. Я это понял лет 6 назад, когда зашел в садик, в котором уже не работал, сказать о готовности принять родителей сложного ребенка бесплатно. В этот момент до меня и дошел смысл моего существования — делиться теплом и светом, которые вроде еще есть внутри. Без всякой там мистики и ложного нарциссизма: наоборот, какая-то сермяжная правда в этом мне открылась. Почувствовал, что не себе принадлежу, а чему-то большему, и задача моя — соединять: судьбы, людей, энергии — не знаю, трудно это передать словами. Будто стоишь на ветру, руки раскинув, как парус, а через тебя какие-то волны проходят, как через антенну с усилителем».

К. и Г., «пернатые»

— Час назад К. написал мне в соцсети: «Г. хотел сброситься с 3-го этажа». Телефоны они теряют постоянно... Просил его привет Г. передавать и телефон чей-нибудь мне написать, но К. из Сети уже вышел...

У подростков К. и Г. — птичьи фамилии. Порхали из одной психушки в другую, жили там месяцами. Поводы их туда спровадить находились: воровство; побеги (в июне пошли пешком за 200 верст на родину однокашника — тот, под самогонкой, целовал землю и называл ее родной, что справедливо); желание педагогов «просто отдохнуть».

Щербаков навещал их в ПБ, кормил домашней едой. Работая с ними в интернате, стремился помочь Г. справиться с приступами тревоги и многочисленными страхами; с К., кроме выражения его состояний в рисунке, Щербаков разговаривал о будущем, о сложностях в отношениях с людьми и с самим собой. К., прекрасно понимая свои проблемы, боится себя: сам просил инспектора по делам несовершеннолетних отвезти его в ЦВИНП — туда, где ограничивают свободу.

Год назад «Новая газета» опубликовала рисунок К. «Сумасшедший медведь: на Луну полез и застрял на облаке». Срез его мироощущения, одиночества, попыток сохранять себя в отсутствие матери: забытая Богом игрушка, зависшая в небесах между Луной и Землей, — последней, впрочем, на рисунке и не видно. «Какое твое самое главное право?» — спросил специалист по интернатам психолог Е. Цымбал, и К., подумав, ответил: «Право на собственное мнение». Такие вот у нас олигофрены.

— Узнав о приезде людей из НПАР, К. скоропостижно выписали, хотя до этого всякий раз

держали не меньше 2 месяцев. Он тогда впервые во взрослом отделении лежал. Отвезли его туда с утра в день его 15-летия: «Еще издевались по дороге: вот какой мы тебе подарок сделали!»

Пускать в интернат к Г., К. и другим детям меня сразу перестали. Написал директору свои соображения, потом пошел с ней общаться живьем — детей жалко: привязались. Надеялся на разум. Увы. Разговаривала так, будто я в чем-то провинился, и, сказав, что все у них хорошо, попросила больше к ним не ходить. Мы, мол, и сами с усами. После общения было чувство, что на мне, простите, большая задница активно посидела. Плохо скрываемая агрессия, примитивные защиты с преобладанием проективной идентификации, попытки переходить на личности — в общем, классический *borderline patient*. «Вы как-то в их мозг проникаете и влияете на них» — это про мое общение с детьми. Аргумент, что Г. за год, пока с ним работал, ни разу не помещали в ПБ, не подействовал. Попросил сказать детям, что не смогу теперь приезжать, потому что работы много. «Скажем. Они, правда, не спрашивали, но все равно скажем», — ответила она, хотя знакомые педагоги говорят, что, напротив, спрашивают и ждут, но она и им сказала, чтобы даже на SMS мои не отвечали! «Вы своего добились, — заявила директор. — Психиатры детей теперь не берут, хотят в 4 раза повысить количество отказов от госпитализации. Мы направлять к ним все равно будем, но решают они. Раньше все проходили два раза в год обязательное лечение, и порядок был».

Нужна публичная дискуссия с представителями «специального образования»: они в своей интернатной закрытости давно утратили связь с эпохой. Хотел ответить директорше, что еще раньше треть страны сидела или была расстреляна, и тоже был «порядок», и что, имеет смысл повторить?! Сдержался.

Читал тут речь М. Алехиной про колонию и вспоминал свой интернат («бАтар» — так почему-то подростки из разных интернатов их называют). Что интернаты эти закрытые 8-го вида, что ПБ детские, что колонии — по общей атмосфере и по отношению к людям (дети ведь тоже люди) — удивительно сходятся. Да, собственно, все мы в каком-то смысле сироты, потому что носим в себе переломанные судьбы нескольких поколений, и жить поэтому в большинстве своем предпочитаем мифологией, а реальности... боимся.

А потом позвонила психолог из той школы-интерната: когда К. снова стал нарушать разные, порой весьма дурацкие порядки, она взяла и на один выходной отвезла его к себе. Где он был как никогда спокоен, учился вместе с ее мужем готовить пельмени, стирал свои носки и играл за компом строго до 21.00. Она хочет идти в опеку оформлять на него гостевое. Его статус «ВКонтакте» после последней выписки из ПБ был: «Если пока все хорошо, рано радуешься — это только пока», а теперь стал: «Все о'кей». Очень надеюсь, что это надолго. А директор интерната спросила ее: зачем вы это делаете?

За К. я в целом спокоен, а вот Г. стал сильно психовать в последнее время. А меня к нему не пускают. Надежда лишь на Н.Г. — хорошую учительницу, которая с этого года учит его обувному делу.



Щербаков: «Это по мотивам сказки про разлучающих колдуний с посохами. Набалдашники с утиными головами торчат, воткнутые в камни, – видимо, окаменевшие груди. Один из символических прообразов «плохой», каменной матери. Г. ведь тоже от матери, братьев и деда-бабушки забрали лет в 5—6, и он все искал, как бы к ним сбежать из машины, да и потом реально убежал из приюта своего в Абане (а сам он из Усть-Янска). Тут, в этом насильственном разлучении, и лежат основные истоки его «психиатрического» расстройства. Пишу сейчас — и вспомнил снова его, бедного, такого хорошего, и хоть плачь от беспомощности»

Л., 16 лет, П., 13 лет

— Неожиданно на связь вышла Л. Аккурат через сутки после того, как вспоминали ее с завучем нашего садика. Я ее с 4 лет знаю. Ее усыновила семья священника. Прошлым летом вдруг захотел найти ее «ВКонтакте», нашел, а потом позвонила директор одного детдома: Л. теперь у них, в 15 лет ее в судебном порядке признали опасной для семьи (шизотипическое расстройство) и решили перевести почему-то в детдом. Откуда она, понятное дело, убегает домой к отцу. Ну и положили лечить, как водится, в ПБ. По разговору, вполне здоровая девочка, что и дети в детдоме подтверждают. Шизотипичность ей явно «сделали», чтобы избавить от нее семью священника. Да и условия дома наверняка были не очень (мать ее сразу невзлюбила), отсюда попытка суицида (думаю, демонстративная), с которой она и попала в ПБ.

Говорит, познакомилась с П.: мы с ним давно не виделись, а он чего-то про меня ей там рассказывал. Я его, собственно, и определил в интернат для детей-инвалидов на Садах: у ребенка серьезная психопатия, так что даже в школе 8-го вида ему опасно было оставаться: старшие могли его покалечить, а к учебе у него стойкая антипатия, до истощного визга. При этом, когда я его сдерживал, чтобы он успокоился (просто крепко брал за запястья — и прижимал к себе, усадив к себе на колени), он ни разу, несмотря на возможность и угрозы

сделать это, меня не укусил и не пнул. И засыпал днем в сончас только у меня, когда я работал летом «на группе». Специально забирал его в спальню к своим, потому что воспитательница в спальне младших с ним «вешалась»: П. орал как резаный и всех еще больше будоражил; там я и увидел, как его, восьмилетнего, пинают в коридоре старшие.

Потом его на Сады отправили, потом виделись с ним несколько раз в ПБ. Пытался его поздравить с днем рождения через знакомую, работающую в их интернате (жена парня, которого знаю со 2-го класса, — первые мои подопечные в школе), но она передала мне ответ руководства, что лучше не будить лихо и ему обо мне не напоминать, чтобы не сбежал. Ну вот. А он и сам помнит, оказывается.

«Выдал» Л. московской комиссии (ей, конечно, не говорю, но в душе приятно), ее в тот же день и выписали. Вспоминала недавно ребят из садика, Егора, с которым любила кидаться камнями.

Н., УО

12.12.12 года Н. — на своем 12-м году жизни — загадал желание, чтобы у него появилась семья. «У меня в школе 4 лучших друга. Я люблю танцы, музыку и вязание, я связал 5 игрушек. Люблю физкультуру и математику. Хочу, чтобы меня усыновили мама и папа. Хочу жить с родителями, потому что со своей мамой я жил плохо. Мне было 7 лет, меня почти каждый вечер била мама, потому что пила с подругами. И заставляла клянчить деньги у людей. Я так и делал, потому что боялся, что она меня побьет. Один раз она послала меня клянчить деньги, <...> я возвращался, уже было темно, я ехал в автобусе, и одна тетенька сказала: «Будешь вафельку?» Я взял вафлю и съел, и через минуту она мне сказала: «Поехали ко мне домой?» Я согласился, и мы поехали в Верхние Черемушки. Уже было совсем темно, я зашел в магазин, и, пока я там был, она позвонила полиции. Полиция приехала и забрала меня. Они хотели оставить меня на ночь у себя. Но потом начали звонить по детским домам. Один интернат согласился меня взять. С тех пор я живу там». Эти воспоминания Н. записал по просьбе Щербакова: тот «возвращал» детдомовцев, вернувшись с Черной сопки, и, пока он ждал воспитателей, подошел Н. и попросился к нему «на ПМЖ».

К письму Н. приклеил бумажку с надписью: «Усоновити меня пожалусто» и двумя смайликами. Щербаков отправил скан письма в Центр развития семейных форм воспитания, а после и очно про Н. слово замолвил.

Спустя полгода Н. написал статус на страничке «ВКонтакте»: «Я дома».

Н. забрали в городок под Питером. У него сейчас отличная семья: мама, папа, три сестренки. Психолог школы, где он учится, провела диагностику: УО у него нет — все процессы сохранны, хорошая зрительная и слуховая память. Учится восьмой месяц в обычной школе: в четверти 3—4 «тройки» и вполне заслуженные (раньше ему делали поблажки) оценки по математике и русскому.

— Не попади ребенок в семью — так бы и сделали из него умственно отсталого, — говорит Щербаков. — И таких вот, «отсталостью» своей обязанных существующей системе, — армию собирать можно. Чудеса, но, с другой стороны, он хотел этого, об этом просил, письмо писал, меня своим желанием зарядил, и что ж тут удивляться, что так у него все сложилось. «Лишь тот, кем бой за жизнь изведен, жизнь и свободу заслужил», Гёте (пер. Б. Пастернака).

P.S. «Ребятишки» наши уже с трудом вписываются в это определение: в пятницу младшему, С., стукнуло 14; после уроков бегал на паспорт фотаться, а потом и я за ним приехал: торт со свечками, пожелания, подарки, 14 раз дранные уши и прочие радости. По такому случаю отпустили к нам А. — извлекли из медблока, где он уже полбиблиотеки прочитал. И подрос! Считал, сколько был в заточении, — 51 день. Смотрели полюбившийся ему фильм про лаек в Антарктиде — «Белый плен»: А. сдержанно плакал слезами счастья, когда лайки дождались хозяев и бросились им навстречу. Про него, про А., фильм-то... В воскресенье на Столбы сходили. Еще и Р. у нас зависал, лучший друг В.: выпустился год назад из детдома, сейчас в техникуме неподалеку учится и живет в общежитии; рассказал очередной свой «травматический» сон про то, как началась война неожиданно, пока туристы спали в палатке. За неделю до этого он поведал мне, как старшие братья выгоняли из дома отца и подрались с ним на ножах. Это — было, отец потом получил срок и, освободившись, уже несколько лет где-то теряется, а Р. растет, занимается спортом и стал лучшим вратарем техникума. Мать умерла давно, братьям он никогда не был нужен. Забрали в приют в 8 лет, там была воспитательница, которую помнит по имени-отчеству: обещала приехать навестить его в детдоме. Не приехала: «Я все ждал, в окно смотрел, не идет ли А. Р.» Но ему повезло с детдомом: до 18 лет над каждым выпускником (они же в 16 выпускаются, после 9-го класса) кто-то из сотрудников оформляет попечительство. И представляет его права в общежитии, в училище — везде, где нужно. Ребенок знает, что за кем-то закрепен, кому-то может позвонить или просто в гости приехать — и чувствует себя гораздо более полноценно. Вот про такой опыт нужно знать всем. Пожалуй, качество детдомовского коллектива определяется тем, может ли он пойти на такой шаг: опекавать каждого своего воспитанника после выпуска. Есть такие, есть. Вплоть до того, что вместе помогают получившему квартиру выпускнику ее отремонтировать. Да и почему нет? Навыки ремонтных работ всем потом пригодятся.

Поскольку жилье теперь позволяет — переехали из полуторки в трехкомнатную, думаем с сентября взять под опеку Б. (брата В.) и С. Хотя бы до тех пор, пока школу не закончат. Физически, конечно, тяжело, когда столько броуновских частиц дома движется, но то, что мы делаем, — это в целом верно. И гораздо лучше того, что предлагает большинство государственных учреждений.

Автор: Алексей Тарасов

Постоянный адрес страницы: <http://www.novayagazeta.ru/society/63650.html>